

ПРАВОСЛАВНЫЕ ВОЕННЫЕ СВЯЩЕННИКИ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: КАТЕГОРИИ И ОБЯЗАННОСТИ

УДК 94 (476) «1914/1918»

Статья посвящена анализу обязанностей рядовых православных военных священников в армии Российской империи в годы Первой мировой войны. Рассматриваются основные законодательные документы, регламентирующие деятельность духовенства в армейской среде, на основании архивных материалов проводится классификация военного духовенства в соответствии со спецификой места командирования. Автор анализирует функции военного духовенства в контексте событий, затрагивающих территорию современной Беларуси.

The article deals with the analysis of duties of Orthodox military chaplains in the armed forces of the Russian Empire during the First World War. The article considers the basic legislative documents that regulate the responsibilities of the clergy in the armed forces. The article gives a classification of the military clergy in accordance with the specifics of the place of appointment on the basis of archival materials. The author analyses the responsibilities of the Orthodox military clergy in the context of the events affecting the territory of present-day Belarus.

Российская армия в годы Первой мировой войны следовала в своей службе известному девизу «За Веру, Царя и Отечество!». Религия в армии выступала в качестве одного из рычагов влияния на патриотические чувства и боевой дух военнослужащих. Кроме того, осуществление в воинской среде культовой деятельности объяснялось необходимостью удовлетворения религиозных нужд армии, состоявшей преимущественно из лиц православного вероисповедания. Организация религиозной жизни в армии была поручена ведомству при протопресвитере военного и морского духовенства. Оно имело довольно стройную структуру, включающую в себя главных священников армий фронта, в ведении которых находилось духовенство фронта; штабных священников, выполнявших роль помощников главных священников и благочинных госпиталей; гарнизонных и дивизионных благочинных, которые контролировали духовенство гарнизонов и воинских формирований соответственно. Но непосредственную работу с военнослужащими проводили рядовые священники, обязанности которых четко регламентировались.

С первых дней войны количество священников в армии начинает увеличиваться за счет добровольцев и призванных из епархий по мобилизационному расписанию. Иногда в литературе их число сильно преувеличивается. Например, Н.А. Печень писал, что в годы войны в действующей армии побывало 50 тысяч штатных военных священников и более 25 тысяч из них отмечены наградами [1,

с. 40]. Такие данные не могут соответствовать действительности. Сам протопресвитер Г. Шавельский указывал на то, что если в мирное время военных священников было всего 730, то к концу войны их было более 4 тысяч (в другой работе — 5 тысяч) человек [2, с. 418; 3, с. 93]. По данным А.С. Сенина, в конце 1915 г. количество военных священников в армии достигло 2 тысяч, а всего, с учетом командированных из епархий, их было более 5 тысяч [4, с. 161]. Большинство исследователей склонны придерживаться данной точки зрения.

На начало Первой мировой войны общие для всех священников ведомства обязанности содержались в «Положении об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств» 1890 г., «Положении о полевом управлении войск в военное время» 1914 г., а также в инструкции, разработанной на Первом Всероссийском съезде военного и морского духовенства в 1914 г.

В «Положении об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств» 1890 г. были закреплены основные обязанности военных священников. Они должны были в обязательном порядке во все воскресные, праздничные и «высокоторжественные» дни совершать в полковых церквях богослужения, а во время великого поста готовить воинов к исповеди и принятию святых тайн посредством ежедневных богослужений, поучений и бесед. За совершение церковных обрядов священник не имел права требовать вознаграждения.

На военное духовенство была возложена работа в школах солдатских детей, учебных команд и иных частей полка. Кроме того, для объяснения военнослужащим церковного учения священнослужителем организовывались специальные беседы.

Обязанностью полкового священника было ограничивать распространение «вредных учений» среди военнослужащих. Им поручалось бороться с суевериями в воинской среде или приходе, указывать на ошибки и нравственные недостатки прихожан, поддерживать в них веру и благочестие, препятствовать отходу от православной церкви. Соответственно и сами священнослужители должны были подавать пример своим образом жизни: «по долгу своего звания обязаны вести свою жизнь так, чтобы воинские чины видели в них назидательный для себя пример веры, благочестия, исполнения обязанности службы, доброй семейной жизни и правильных отношений к ближним, начальствующим и подчиненным» [5, с. 474].

Через священника проходил значительный объем бумажной работы. Он должен был вести и хранить в порядке описи имущества и сумм полковых церквей, приходно-расходные книги, клировые ведомости, исповедные росписи, метрические книги, брачные обыски и книгу указов начальства. Ежегодно, не позже 15 января, военные священники отправляли на имя своего благочинного отчет о состоянии церкви, религиозно-нравственной обстановке в воинской среде, произнесенных проповедей и внебогослужебных беседах, пожертвованиях в пользу церкви на сумму более 100 рублей. В отчете сообщалось о перешедших в православие военнослужащих других вероисповеданий, а также о преподавательской деятельности священника.

Вышеназванные обязанности по большей части касались мирного времени, мало согласуясь с нуждами военной жизни. Как неоднократно признавал сам протопресвитер военного и морского духовенства Г. Шавельский, несовершенство организации и отсутствие четких инструкций ограничивало работу священника, резко уменьшало результативность служения в армейской среде. Например, во время русско-японской войны 1904 – 1905 гг. духовенство в армии могло руководствоваться лишь «Положением о полевом управлении войск в военное время». Оно «не предусматривало всех обязанностей священника, а тем более возможной для него работы на бранном поле. Иногда же своею краткостью, — признавал протопресвитер, — оно сбивало с толку не только рядовых священников, но и начальствующих лиц» [3, с. 91].

С назначением Г. Шавельского на должность протопресвитера ситуация стала меняться. Инициированный им Первый Всероссийский съезд военного и морского духовенства подготовил в помощь полковому священнику инструкцию. Она не была, как писал Г. Шавельский, «кабинетным произведением», а основывалась на опыте предшествующих лет и духовных потребностях армии. Инструкция стала обязательной для исполнения, ею руководствовались все священники, вне зависимости от места службы. Она качественно дополняла «Положение» 1890 г. и «Положение о полевом управлении войск в военное время» 1914 г.

Инструкция повторяла статьи «Положения» 1890 г. о беседах и богослужениях, более подробно останавливалась на проведении последних во время войны. Священник должен был совершать богослужения в воскресные и праздничные дни в любой обстановке, будь то церковь,

палатка, жилой дом или открытое поле. Небольшое число молящихся не было препятствием для службы. Отменить ее можно было лишь в случае передвижения полка и боевых действий. Когда священник располагал временем и здоровьем, он мог служить в других частях, не имеющих своего священнослужителя.

Во время войны на плечи священника легла организация хора из нижних чинов, а также библиотек, составленных в соответствии с одобренным списком книг. Библиотеки оплачивались из церковных сумм. Хотя они создавались и поддерживались преимущественно госпитальным духовенством, но полковые священники также должны были заботиться, чтобы их прихожане не остались без книг или хотя бы листов для чтения.

Новой для духовенства стала рекомендация обучиться оказанию первой помощи раненым: «Вовремя сделанная перевязка нередко спасает жизнь раненному. Желательно, чтобы каждый священник умел перевязывать раненого. Он найдет тысячи случаев приложить это умение к делу и спасти многих» [6, л. 308 об.]. Во время боевых действий священник должен был находиться на передовом перевязочном пункте, где мог не только оказать духовную помощь раненым и умирающим, но и применить свои медицинские навыки на деле. Несмотря на то, что данное требование было обязательным для исполнения, от службы на передовой неоднократно уклонялись.

Если воин погибал, то священник извещал родственников о смерти и месте погребения. Для семей убитых военнослужащих под руководством священнослужителя разрешалось создавать общества помощи.

Во время войны от имени протопресвитера священникам ведомства рассылались циркуляры, в которых уточнялись обязанности, обусловленные спецификой воинского формирования или учреждения, в котором они служили. На основании этих циркуляров, кроме полкового духовенства, можно выделить отдельные категории священников, которые должны были руководствоваться не только вышеуказанными общими для всех требованиями, но и выполнять обязанности, обусловленные местом службы. Среди них — госпитальные священники, священники, обслуживающие военно-санитарные поезда, священники артиллерийских бригад, священники запасных батальонов и полков, священники полков особого назначения.

Большое внимание ведомством протопресвитера было уделено организации работы госпитального духовенства. На его плечах лежала не только богослужебная деятельность среди больных и раненых, но и поддержание «правильных настроений», связанных с войной, распространением революционных идей и сектантских учений.

Госпитальный священник организовывал службы вне зависимости от того, имеет ли госпиталь помещение, которое можно было использовать в качестве церкви. За неимением такого богослужение разрешалось проводить в госпитальном дворе, бараках, палатках и на прочих площадках. Обязательным, особенно в праздничные дни, было совершение в палатах молебнов за исцеление от ран и болезней. По возможности часто проводилась литургия. В богослужебной деятельности следовало учитывать специфику службы в госпитале: так как паства состояла из больных и раненых, госпитальным священникам рекомендовалось не утомлять прихожан долгой службой и сокращать ее за счет стихир, псалмов, кафизм, что на театре военных действий было делом обычным.

Во время обхода палат священник беседовал с больными

и ранеными, но обязывался вести себя ненавязчиво. Если пациенты желали, то причащал их. Необразованным священникам (в годы войны в армии их было немало) и иеромонахам запрещалось вступать в научные и богословские споры с офицерами и врачами. Причина этого объяснялась тем, что невежество священнослужителей могло подрывать авторитет как их непосредственно, так и института православного военного духовенства в целом.

Госпитальный священник оказывал больным помощь во всем, о чем они просили: мог помочь написать письмо домой, найти идущему на поправку книгу или организовать чтение в палате выздоравливающих, поручив это кому-то из грамотных пациентов, утешить умирающего, что сообщит о нем семье, и прочее [7, л. 310]. Исполнением долга считалось сделать перевязку раненому, когда не хватало медицинского персонала.

Учитывая, что через госпитали проходило большое число пострадавших православных военнослужащих, каждый священник должен был иметь достаточный запас крестиков, листовок, иконок для бесплатной раздачи.

Погребение умерших тоже становилось заботой духовенства госпиталя. Действие это осуществлялось в соответствии со строгим алгоритмом: тело умершего омывали, одевали в чистую одежду и клали в гроб (если таковой имелся), накрыв саваном; после процессия в лице священника и наряженной по уставу команды провожала гроб до могилы с пением «Святый Боже». На могиле умершего устанавливался крест с информацией о звании, имени и фамилии умершего, указывался день и причина смерти. Надписи требовалось наносить не карандашом и чернилами, которые быстро смываются, а краской или вырезать [7, л. 311–311 об.]. Если в городе или местечке располагалось несколько госпиталей, то там организовывалось общее кладбище, и захоронения производились в определенном порядке.

За молебны, молитвословы, требы священник не имел права просить и принимать вознаграждение. Также запрещалось отлучаться из госпиталя без крайней нужды. Выполнение вышеперечисленных обязанностей, при добросовестном исполнении, должно было занимать практически весь день.

Подобные функции выполняли священники лазаретов, а также учреждений российского общества Красного Креста.

Служение в госпиталях и лазаретах во время войны стало настоящим испытанием для духовенства ведомства. В 1915 г. в «Минских епархиальных ведомостях» была опубликована статья «Труд полевых священников», автор которой признавал, что невозможно сравнивать труд священника в городских лечебных заведениях и служение в полевых госпиталях. Госпитальный священник, по утверждению автора, должен был иметь «твердый дух, крепкие нервы и приобрести достаточную привычку, чтобы держать себя в руках, не рыдать и не бежать без оглядки из госпиталя при виде тех потрясающих картин физических страданий и ... проявлений лучших душевных движений, какие на каждом шагу встречаются здесь» [8, с. 206].

Схожей была работа священников военно-санитарных поездов, доставлявших больных и раненых с театра военных действий в госпитали и лазареты, располагавшиеся в тыловой или прифронтовой зонах. В таких поездах находились врачи, сестры милосердия, были оборудованы медпункты. Наличие должности священника в них изначально не предполагалось, но необходимость в поддер-

жании морального духа раненых и совершении таинств исповеди и причастия в скором времени стала очевидна для военного руководства. Включение в штат санитарных поездов священников было произведено в соответствии с приказом по военному ведомству № 531 от 20 сентября 1915 г. Должность была учреждена с обычным по ведомству протопресвитера окладом: 900 основного и 1080 рублей усиленного жалования, а также предусматривались другие виды денежного довольствия [9, с. 698].

Однако в условиях падения престижа института военного духовенства в армии в скором времени после Февральской революции был поднят вопрос о надобности такой должности в штате военно-санитарных поездов. В июне 1917 г. на имя главного священника армий Западного фронта (в состав которого входила часть территории современной Беларуси) К. Н. Богородицкого поступило распоряжение протопресвитера об увольнении в епархии или на новые места службы священников санитарных поездов, так как этот институт оказался «совершенно ненужным для дела» [10, л. 24].

В документах нашли отражение обязанности священников артиллерийских бригад. Эти бригады еще со времен русско-японской войны нуждались в религиозном обслуживании. С каждым годом количество военнослужащих в них увеличивалось, порой достигая 2000 человек, но, несмотря на это, новые священники в бригады не назначались. По мнению А. А. Кострюкова, это объяснялось тем, что в то время, когда в штат артиллерийских бригад вводились священники, состав этих формирований был немногочисленным [11, с. 186]. Однако позже, когда артиллерия российской армии выросла в несколько раз, количество священнослужителей по штату осталось прежним. В годы войны эта проблема была частично решена за счет размещения артиллерийских бригад между полками дивизий, благодаря чему службу в них могли проводить полковые священники. Однако протопресвитер признавал, что порой необходимость быть постоянно при своих полках вынуждала священников отказываться от служения в артиллерийских бригадах [12, с. 201]. Тогда помощь оказывало епархиальное духовенство.

Артиллерийские священники имели немало нареканий со стороны командования. Помимо работы в своих бригадах, на их плечи в мае 1916 г. было возложено обслуживание дивизионных перевязочных отрядов во время боя. Однако командиры артиллерийских бригад часто не отпускали своего священника из части, что вылилось в неоднократные жалобы протопресвитеру на бездеятельность этой части военного духовенства [13, л. 77].

Для решения этой проблемы приказом № 177 начальника штаба верховного главнокомандующего от 1 февраля 1917 г. артиллерийских священников обязали обслуживать дивизионные перевязочные отряды и, что важно, жить при них. Теперь эта категория священнослужителей базировалась при перевязочном отряде, чтобы быть ближе к умирающим и раненым. Особенно это касалось боевых действий, когда число пострадавших было велико. Когда же боевые действия не велись, артиллерийские священники посещали свои бригады, совершали в них богослужения и исполняли требы, а также проводили беседы с военнослужащими.

Протопресвитер просил артиллерийских священников не ограничиваться обычным кругом обязанностей — в силу того, что они находились вблизи театра военных действий и через них проходил большой поток раненых: «Утешая,

напутствия больных, погребая умерших, заботясь о местах погребения, священник не должен упускать случая <...> помочь врачебному персоналу, который во время большого притока раненых бывает перегружен работой» [14, л. 78 об.]. Также протопресвитер предлагал, по возможности, оказывать помощь врачам в регистрации больных.

Обязанности священника запасного батальона имели принципиальное отличие от работы в воинских формированиях, находящихся в зоне боевых действий. Он не мог ограничиваться только лишь культовой деятельностью, на его плечах лежало религиозно-нравственное и патриотическое воспитание солдат, которые в скором времени должны были пополнить ряды действующей армии. И было важно, какие мысли и идеи, какие настроения привнесут они на фронт. На собрании военного и морского духовенства 28 октября 1915 г. протопресвитер Г. Шавельский отмечал: «Роль запасных батальонов огромна. Это питомники для укомплектования армии; в них воспитываются воины для пополнения своего полка; мощь, сила и боеспособность полка зависит от степени энергии, воспитательной деятельности священника запасной полковой части, формирующей воина-бойца» [15, с. 68].

Поэтому еще на ранних этапах войны подчеркивалась необходимость в опытных кадрах для службы в таких формированиях. В Указе Святейшего Синода № 1 от 8 января 1915 г. «Об особом религиозно-пастырском попечении о призываемых в действующую армию воинских чинах» сообщалось о необходимости поручить религиозно-пастырское руководство в таких батальонах «выдающимся по своему патриотическому и религиозному настроению и пастырскому опыту священнослужителям», для того чтобы те богослужениями и беседами вдохновляли новобранцев «к доблестному выполнению возложенного на них долга защиты Родины с несокрушимой верою и мужеством непреодолимым» [16, л. 14].

Во всем, что касалось богослужений, исполнения треб и бесед, им следовало руководствоваться инструкцией для полковых священников, за исключением части, посвященной служению во время боя. Кроме того, для священников запасных батальонов была разработана особая инструкция, уточнявшая особенности культовой и вне культовой деятельности в таких батальонах.

Так, богослужения требовалось совершать не менее трех раз в неделю, чтобы многочисленные чины батальона смогли посетить их. В помощь священникам запасных частей в отправлении богослужений назначалось госпитальное духовенство.

Вне богослужебная деятельность в виде бесед была призвана «в обучающихся воинов воспитать могучий дух и готовность послужить изо всех сил» [17, л. 313 об.]. Поэтому тематике и содержанию бесед, проводимых с нижними чинами, уделялось особое внимание. Пожалуй, «Инструкция священникам запасных батальонов» давала наиболее полный перечень обязательных тем, например: «...воинское служение вообще и в особенности в настоящее время; святость воинского подвига; присяга или клятва именем Божиим; преступность нарушения клятвы и наказание клятвопреступников по суду божескому и человеческому; любовь к царю и Отечеству; поведение воина, обязанного хранить чистоту души и беречь правду; преступность для воина грабежа, воровства и всякого насилия; преступность добровольной сдачи в плен, наказываемая и здесь на земле жестоким обращением врагов с нашими пленными <...> и презрением честных граждан к добровольно сдавшимся

в плен; преступность саморанения» [17, л. 313 об.]. Беседы не должны были быть долгими и отвлеченными: каждую проблему следовало излагать убедительно и воодушевленно, предпочтительно не в форме монолога, а как диалог со служащими запасных батальонов.

Крайне важно было соблюдение нижними чинами таинства исповеди и причастия святым тайнам. В запасных батальонах, в силу их многочисленности (в них могло быть более 10 тысяч человек [17, л. 314]), разрешалась общая исповедь, при условии проведения ее «торжественно и впечатляюще». Также при отправлении новобранцев на позиции и принятии ими присяги проводился молебен.

Одной из основных проблем запасных полков являлась нехватка кадров. Число некомплектованных священниками запасных формирований с каждым годом огромными темпами увеличивалось, а те, что располагали несколькими священниками, могли насчитывать до 18 – 25 тысяч человек. Шавельский писал: «Недостаточность наличных духовных сил для воспитания в запасных батальонах в особенности сильно ощущалась во второй половине 1916 года», — в это время уже дает о себе знать усталость от войны, с одной стороны, и разрастающаяся антимонархическая агитация, с другой [3, с. 269]. Революционная агитация, в свою очередь, наиболее активно проникала в формирования, находившиеся в тылу: в санитарные поезда, запасные части и больше всего — в запасные батальоны.

В таких условиях от имевшихся в запасных батальонах священников требовалось особое усердие. Однако в циркуляре протопресвитера № 5094 от 3/19 октября 1917 г. говорится об их недобросовестном служении: «Пастырская работа этих священников не организована, бригадными благочинными не объединена, во многих местах сведена к минимуму обязанностей — к отправлению (и то не всегда аккуратно и усердно) богослужений в храме в воскресные и праздничные дни» [18, л. 85].

То, что исполнение обязанностей, а точнее пренебрежение ими, нашло свое отражение в циркуляре протопресвитера, свидетельствует о том, что нерадивый священник в батальоне — не единичный случай, а довольно распространенное явление.

Отдельное место в ведомстве заняли священники полков особого назначения, отобранные для служения за рубежом, в войсках, направленных в помощь военным союзникам Российской империи. Это были надежные, хорошо зарекомендовавшие себя во время службы, обладающие высокими личными качествами священнослужители. Такие требования объяснялись необходимостью достойно представлять Российскую империю перед ее союзниками.

Священникам полков особого назначения был адресован циркуляр протопресвитера военного и морского духовенства № 3118 от 7 августа 1916 г. В нем Г. Шавельский просил не забывать о важности служения за рубежом, поскольку деятельность русских священников будет сравниваться со службой французского и английского военного духовенства, прославившегося в Первой мировой войне. Подчеркивалось, что священники полков особого назначения олицетворяли собой для союзников всю православную церковь: «Вы явитесь представителями не только военного духовенства, но и нашей русской православной церкви; по вам, по вашей жизни и работе наши союзники: французы, англичане, бельгийцы — будут судить не только о военном русском духовенстве, но и всей нашей церкви» [19, л. 49]. Протопресвитер признавал, что последствия их работы могут в будущем или поспособствовать развитию

церковного общения между сторонами или наоборот, что было недопустимым. Для успешного выполнения поставленных задач протопресвитер рекомендовал согласовывать свои действия с указаниями и инструкциями по ведомству, показывать церковь и российскую армию с «лучшей стороны», поддерживать образ «благочестивого православного священника» [19, л. 49 об.].

Принимая участие в военных действиях на территориях государств-союзников, священники полков особого назначения порой не ограничивались положениями инструкции военному духовенству. В «Вестнике военного и морского духовенства» в 1917 г. сообщалось, что во время одного из боев во Франции священник находился не на передовом перевязочном пункте, а был рядом с военнослужащими: «При почти полной тишине из траншеи выходит священник: он высоко держит в руках Св. Крест; за ним выходят все и бросаются к немецким траншеям... Когда почистили, как следует, траншею, рота вместе с пленниками отходит назад. Но теперь священник идет уже не впереди отряда, а позади; он хочет вернуться последним, чтобы быть уверенным, что никто из людей не остался на поле битвы» [20, с. 156].

Рядовые военные священники в годы Первой мировой войны не являлись однородной по своим обязан-

ностям частью духовенства ведомства при протопресвитере военного и морского духовенства. В большей части воинских формирований служили полковые священники, руководствовавшиеся в своей работе инструкцией 1914 г., а также «Положениями» 1890 и 1914 гг. Однако функции и обязанности могли уточняться с учетом специфики места службы. Поэтому среди военных священников, помимо полковых, следует также выделить священников госпитальных, лазаретных, запасных батальонов, артиллерийских бригад, полков особого назначения. Каждый из них получил во время войны 1914 – 1918 гг. свои инструкции, регламентировавшие обязанности, исполнение которых было необходимым как для поддержания духовных сил армии, так и для укрепления авторитета духовенства среди военнослужащих. Изучение документов показало, что служение священника было осложнено нехваткой кадров и большой загруженностью работой. Но, с другой стороны, командирование в армию безынициативных и посредственных священников серьезно сказалось на престиже ведомства. Это стало одной из причин ликвидации некоторых из учрежденных должностей и сокращения штатов в скором времени после Февральской революции 1917 г.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Печень, Н. А.* Возрождение из забвения / Н. А. Печень. — М.: Издательство ВСРФ, 1993. — 112 с.
2. *Шавельский, Г.* Русская церковь пред революцией / Г. Шавельский. — М.: Артос-Медиа, 2005. — 510 с.
3. *Шавельский, Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: в 2 т. / Г. Шавельский. — Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. — Т. 2. — 412 с.
4. *Сенин, А. С.* Армейское духовенство России в первую мировую войну / А. С. Сенин // Вопросы истории. — 1990. — № 10. — С. 159–165.
5. Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье, т. 10. — СПб: Государственная типография, 1893. — С. 470–481.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 806. — Оп. 5. — Д. 10062. — Л. 308–309.
7. РГИА. — Ф. 806. — Оп. 5. — Д. 10062. — Л. 310–311 об.
8. История религии и свободы совести в Беларуси в документах и материалах: пособие: в 4 ч. — Ч. 3: Со второй половины XVIII в. до октября 1917 г. / Авт.-сост. В. В. Старостенко, Э. В. Старостенко. — Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. — 260 с.

9. Приказ по военному ведомству № 531 "Об учреждении по штату военно-санитарных поездов должности священника" // Приказы по военному ведомству за 1915 г. № 31–695. — Петроград: Военная типография имп. Екатерины Великой, 1915. — С. 698.
10. РГИА. — Ф. 806. — Оп. 5. — Д. 10348. — Л. 24.
11. *Кострюков, А. А.* Военное духовенство и развал армии в 1917 г. / А. А. Кострюков // Церковь и время. — 2005. — № 2. — С. 143–196.
12. *Шавельский, Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: в 2 т. / Г. Шавельский. — Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. — Т. 1. — 414 с.
13. РГИА. — Ф. 806. — Оп. 5. — Д. 10776. — Л. 76–77.
14. РГИА. — Ф. 806. — Оп. 5. — Д. 10776. — Л. 78–78 об.
15. *Кандидов, Б.* Церковный фронт в годы Первой мировой войны // Б. Кандидов. — М.: Атеист, 1929. — 147 с.
16. РГИА. — Ф. 806. — Оп. 5. — Д. 9768. — Л. 14.
17. РГИА. — Ф. 806. — Оп. 5. — Д. 10062. — Л. 313–314 об.
18. РГИА. — Ф. 806. — Оп. 5. — Д. 10776. — Л. 85–86.
19. РГИА. — Ф. 806. — Оп. 5. — Д. 10776. — Л. 49–49 об.
20. В русских войсках во Франции // Вестник военного и морского духовенства. — 1917. — № 5–6. — С. 155–156.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.12.2016.